

Гроах!

Гультеин не успел как следует восстановиться. Урон от отдачи в ночном столкновении со вступившими в фазу Возвышения паладинами оказался настолько серьёзным, что стихийные атаки Молнией давались ему с трудом.

Но ежели он хочет вырваться из этой западни, иного пути нет. И Гультеин стиснул зубы, и сформировал разряд.

Паладины были поражены. Сперва их ослепило голубыми искрами, а следом ударило мощной атакой с небес!

«Уфф! Молния? Да это ж их лидер!»

Тр-рррз! – Но синяя молния к этому моменту уже накрыла тела.

Несмотря на защиту паноплии, блокировавшей большую часть урона, остаточная мощь атаки всё равно была невероятной. Меж зубами паладинов забегали искры, волосы встали дыбом, тела одеревенели, а разум пребывал в полном хаосе.

И-ииии! – Кони, на которых защита паноплии не распространялась, получили удар током и, роняя с губ пену, бросились наутёк.

Тела паладинов неуклюже упали с коней, а Гультеин перемахнул через их головы и стремительно побежал к зарослям.

«Чёрт! Так вот кто их лидер? Решил под шумок сбежать, пока подчинённые гибнут?!» – слишком поздно заметивший происходящее граф Бомонд топнул с досады ногой.

Гультеин к тому моменту уже прорвал оцепление и вот-вот должен был скрыться в зарослях.

Бомонд топнул ногой повторно. Он был расстроен, поскольку чувствовал, что упущена крупная рыба.

Из глаз Гультеина текли кровавые слезы. Он знал язык Луана на достаточном уровне, чтобы слова Бомонда отозвались ударом ножа в сердце.

Его обвинили в том, что он принёс подчинённых в жертву, чтобы сбежать!

Но поступить иначе он не мог. Гультеин обязан был выжить, даже в случае гибели всего отряда. Но совсем не потому, что так уж дорожил собственной жизнью. Да и не считал никогда подчинённых расходным материалом.

Но способности его имели критически важное значение для предстоящей битвы в Белой долине! Без него тот бой будет проигран, а значит, всю расу тёмных эльфов истребят.

Длинные дорожки алых слёз расчертили щёки Гультеина. Челюсти сжались настолько, что казалось, зубы вот-вот сломаются.

В таком состоянии он и вбежал в заросли. А вслед ему неслась отборная брань графа Бомонда.

И тут! – Шу-уу! – Справа от Гультеина образовалась чёрная тень. Порывом ветра поравнявшись с ним, та взмахнула чем-то массивным.

Крупный шестиугольник!

Это был щит. Но не простой, а окружённый ослепительным светом кристаллизованной ауры.

Бу-ум! – Боевой щит с острыми шипами прочертил широкую дугу, и с силой врезался в Гультеина, который бежал со всех ног и потому по сторонам не глазел.

Ощущалась атака будто встречный удар молотом!

«А-ааа!»

Гультеин отлетел метров на десять, после чего растянулся на земле. Шок от удара оказался настолько силён, что он не мог даже вздохнуть. Все рёбра с правого бока были всмятку, некоторые острыми гранями впились во внутренние органы.

Кровь хлынула изо рта фонтаном. Осколки рёбер прокололи печень и лёгкое. Из-за пробоя в последнем кровь и устремилась наружу.

Тем, кто догнал и сбил его с ног, оказался граф Пенза. Прежде они уже сталкивались в бою, потому граф знал его в лицо. И когда Гультеин побежал в противоположную от подчинённых сторону, устремился за ним.

«Попался, крысёныш!»

Пенза медленно приблизился к поверженному Гультеину. Он тоже тяжело дышал, а во рту ощущал солоноватый привкус крови.

Раны графа тоже не успели как следует затянуться. И от резкого выброса маны открылись вновь.

Но Пензе было плевать. Прикончить Гультеина он считал своим долгом, даже если пострадает сам.

«Ай да граф Пенза!» – с восторженным криком поспешил к ним граф Бомонд, едва узнал его фигуру. Он-то уже считал, что вражеский командир упущен, но Пенза его всё-таки догнал!

Гультеин корчился на земле.

Граф Пенза возложил тяжёлую стопу ему на горло и слегка надавил.

«Кха-кха-кха!»

Лицо Гультеина побагровело от удушья, вены на лбу вздулись.

«Крысёныш! Это всё, на что вы, тёмные эльфы, способны – внезапные налёты и ловушки? И если налёт произошёл прямо сейчас, значит, далее будет ловушка, верно? А? Ну, так и произошло ранее... Ублюдок!»

Стоило вспомнить происшествие на Кровавой реке, как губы Пензы искривились, а в глазах сверкнула злоба. Ведь именно в той западне он потерял подчинённых, а жизнь стала невыносимой!

Бомонд поспешно закричал: «Граф Пенза, не убивайте его! Просто сломайте ногу-другую, дабы не сбежал! Мы используем его в качестве приманки для других тёмных эльфов. А убить можно

будет и потом!»

Услышав Бомонда, Пенза перестал сдавливать горло Гультеина. Жажда убийства в глазах тоже поугасла. Тем не менее, он не смог сдержаться, чтобы не плюнуть поверженному противнику в лицо.

«Повезло тебе. Если б не его светлость, граф Бомонд, убил бы тебя прямо тут. Но взамен!..»

Глаза Пензы сверкнули безумием. Возложив стопу на бедро Гультеина, он придавил его всем своим немалым весом. После чего наклонился, взялся за голень и садистски рванул на себя.

Хруст!

«Ыааааа!»

Поскольку коленный сустав заставили выгнуться в противоположном естественному направлении, хрящ оказался повреждён, а связки - разорваны. Мышцы затрещали.

«Вот теперь славно! Прямо чувствую, как стихает боль безвременно почивших подчинённых! Ха!»

Хруст!

Наслаждаясь криками Гультеина, Пенза повторил процедуру и со второй ногой.

«Ыаааа! Мои ноги!»

От криков врага пламя безумия в глазах Пензы становилось лишь ярче.

Участовавших в налёте тёмных уничтожили. Нет, погибли из них не все, просто поражение было таким сокрушительным, что можно было его расценить, как полное уничтожение.

Половина из тех, кто рванули на прорыв оцепления, были убиты. Остальные же лишились конечностей мечом Бомонда.

Месть луанцев можно было считать свершившейся. Сокрушив врага и захватив вражеского командира, они отплатили за унижение на Кровавой реке.

«Господин граф, каковы планы на тёмных эльфов?» - спросил у Бомонда митрополит Креол.

Обычно военнопленных передавали священникам для сканирования разума. Потому важно было понять, будет ли так же на сей раз.

«Ну... мы и без того знаем, где находится враг. Думаю, навряд ли отыщем в их головах что-то новое? Так что воспользуемся ими для других целей.»

Услышав, что пленных не собираются сканировать, Пенза вмешался: «Господин граф, я уверен - в голове пойманного командира отыщется полезная информация. Как минимум, ублюдок умеет призывать духа Молнии. Если узнаем, что у него в мозгах...»

Боль в глазах Пензы угасла не до конца. Он чувствовал неудовлетворённость оттого, что не прикончил Гультеина собственными руками.

Но Бомонд вновь покачал головой: «Нет. Мозг можно просканировать и после сражения в

долине. Я планирую использовать пленных для иного. Они помогут склонить сражение в нашу пользу, и сканирование тому лишь повредит. Ведь после этой процедуры они превратятся в безвольных людей. А в таком состоянии они в качестве военнопленных бесполезны.»

Пенза и Креол синхронно кивнули. Они знали, как выглядит человек после процедуры сканирования.

Но, согласившись, Пенза тут же добавил: «Безвольных людей? Вероятно, вы хотели сказать, безвольных эльфов? Какие ж они люди!»

В ответ Бомонд расхохотался: «Ха-ха, и то верно! Конечно, не безвольные люди, а безвольные эльфы!» – и в притворном смущении граф зацокал языком. – «Ай-ай-ай, как же недостойно с моей стороны использовать по отношению к ним слово «люди»!..»

Конечно, Пенза пошутил, а Бомонд всего лишь поддержал юмор.

Но даже этот короткий диалог даёт представление о том, с каким презрением относятся они к нелюдям и полукровкам.

Да, именно «презрение» хорошо описывает их отношение ко всем эльфам, оркам и вампирам. Впрочем, то же они испытывают и к людям, не верящим в бога Лу.

Даже не понимая, какую огромную ошибку совершают.

Ошибка происходила из их высокомерия и чувства превосходства. И они продолжали её усугублять во имя господ. Хотя сам Лу ни в одном из откровений не призывал презирать или изничтожать кого-либо.

Потратив немного времени на то, чтобы перевести дух, и осмотреть залитую кровью поляну, Бомонд отдал новый приказ: «Нарубите-ка деревья! Таких, чтобы соорудить из них шесты и привязать пленных.»

Паладины взялись за работу. Они рубили деревья высотой в два человеческих роста, очищали от веток и привязывали к ним тёмных эльфов.

«Что, закончили? Тогда выступаем. Пленных понесём в первом ряду. Исполнять!» – взмахнул мечом Бомонд, возвещая продолжение похода.

Паладины тронулись в путь, неся в руках деревянные шесты с привязанными к ним тёмными эльфами. Общее число пленников близилось к двадцати.

Бомонд рассчитывал, что боевой дух врага будет сломлен, когда тот увидит пленных. И таким образом граф собирался избежать западни, которую наверняка готовили тёмные. План состоял в том, чтобы использовать пленников в качестве живых щитов всякий раз, как будут попадать в неприятности.

Цок-цок-цок...

Выстроившись колонной, паладины ехали по джунглям. Они были готовы в любой момент применить шесты в качестве преграды для врага.

И вновь двигались неторопливо. Бомонд словно задавался целью вывести остроухих из себя.

На покачивающихся в такт движению шестах висели несчастные тёмные эльфы с

отрубленными руками и ногами.

Состояние пленных было ужасным, но ещё ужаснее были выражения их лиц. Казалось, что висящий среди них Гультейн вот-вот откусит себе язык, чтобы совершить самоубийство.

«Ну что я за идиот? Это же надо так увлечься атакой, что не заметишь идущих в окружение палатинов! Тупоголовый осёл! Гультейн, ты погубил свой народ!»

Кровавые слёзы текли из глаз непрерывным потоком. Зверски травмированные ноги болели, сломанные рёбра кололи внутренности, из-за чего в груди словно полыхал адский пожар. Но вся эта боль не шла ни в какое сравнение с тем, что творилось в душе.

Но Гультейн не спешил покончить с собой, утешаясь тем, что хотя бы доберётся до Белой долины.

«О, матушка Амирас! Прошу, дай глупому Гультейну последний шанс! Пожалуйста, пожалуйста! Даруй сил, чтобы добраться до Белой долины, не утратив сознания. Умоляю, мне б только дойти...»

Гультейн был в отчаянии. Ему непременно нужно было дожить до входа в Белую долину! Хотя бы до него!

Знай Бомонд, что такое Белая долина на самом деле, и какова тайная способность Гультейна, обезглавил бы того на месте.

Окажись он таким же нетерпеливым, как граф Пенза, устрой сканирование разума Гультейна – и победа у Священной империи была бы в кармане.

Но Бомонд не сделал этого. Как опытный командир, всегда действующий поступательно, сообразно с тактикой и стратегией, он не поддавался сиюминутным порывам. Именно потому ему дали прозвище «ветеран-полководец».

Операция по использованию пленных в качестве прикрытия полностью соответствовала его стратегии.

Но порой Судьба готовит суровые испытания даже таким полководцам. И даже если всегда действовать по правилам, это не значит, что госпожа Фортуна окажется на твоей стороне.

<http://tl.rulate.ru/book/104928/4075408>